

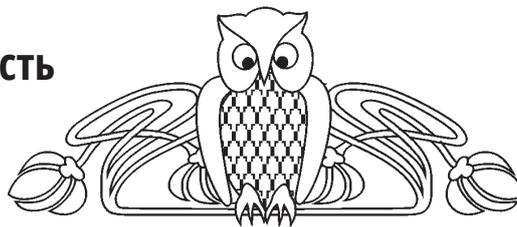

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 51–56
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 51–56
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-51-56>, EDN: QGESTF

Научная статья
УДК 316.74:316.334.55

Сельская мусульманская религиозность в условиях трансформации российского общества

М. В. Кильдеев

Республиканский центр молодежных, инновационных и профилактических программ «Навигатор», Россия, 420137, г. Казань, ул. Адоратского, д. 36

Кильдеев Мансур Вилевич, кандидат социологических наук, социолог отдела аналитики процессов в молодежной среде, makhmud_e@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4353-8380>

Аннотация. В статье раскрывается специфика сельской религиозности как важного фактора развития сельского социума. В качестве эмпирической базы используется социологический и исторический материал, относящийся к общественной жизни татар Среднего Поволжья в советский и постсоветский периоды. В научный оборот введены новые, ранее не публиковавшиеся архивные документы. Проводится связь между уровнем религиозности и такими факторами, как величина населенного пункта, социально-профессиональная структура, интенсивность атеистической пропаганды и государственно-конфессиональные отношения на местном уровне, экономическая активность населения и развитие сельского предпринимательства. Задачи советской антирелигиозной политики успешно решались властями в татарской и башкирской автономиях. В других поволжских регионах, где татары составляли этническое меньшинство, отмечался феномен отдельных населенных пунктов с повышенной религиозной активностью, с которой власти вынуждены были считаться, и с неформальной экономической активностью жителей. В постсоветский период эту категорию селений, помимо высокой религиозности, отличает устойчивое социально-демографическое и экономическое положение. В статье ставится вопрос о причинах и условиях парадоксальной ситуации, когда сохранение патриархального быта и религиозных традиций сопутствовало успешной адаптации сельских сообществ к новым экономическим реалиям. Делается вывод о необходимости изучения специфики религиозности, поскольку неформальные экономические и социальные практики строились вокруг национальных и религиозных традиций. Изучаемая проблема устойчивости сельской религиозности является частью более широкой проблемы сохранения российского села как устойчивого этносоциального организма.

Ключевые слова: сельская религиозность, социально-профессиональная структура сельского социума, сельская мусульманская община, проблема закрепления молодежи на селе

Для цитирования: Кильдеев М. В. Сельская мусульманская религиозность в условиях трансформации российского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 51–56. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-51-56>, EDN: QGESTF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Rural Muslim religiosity in the context of the transformation of Russian society

M. V. Kildeyev

Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs “Navigator”, 36 Adoratsky St., Kazan 420137, Russia

Mansour V. Kildeyev, makhmud_e@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4353-8380>

Abstract. The article reveals the specifics of rural religiosity as an important factor in the development of rural society in Russia. Sociological and historical material, related to the social life of the Tatars of the Middle Volga region in the Soviet and post-Soviet periods serves as an empirical base. New, previously unpublished archival documents have been introduced into scientific circulation. The connection is established between the level of religiosity and such factors as settlement size, socio-professional structure, intensity of atheistic propaganda and state-confessional relations at the local level, economic activity of the peasantry, and development of rural entrepreneurship. The authorities in the Tatar and Bashkir autonomous republics successfully solved the tasks of the Soviet anti-religious policy. However, in the other Volga regions, where the Tatars were an ethnic minority, there was a phenomenon of separate settlements with increased religious activity and informally economic active residents, which the authorities had to reckon with. In the post-Soviet period, this category of villages, in addition to high religiosity, is distinguished by a stable socio-demographic and economic situation. The article raises the question of the causes and conditions of the paradoxical situation, when the preservation of the patriarchal way of life and religious traditions accompanied the successful adaptation of rural communities to

new economic realities. It is concluded that it is necessary to study the specifics of religiosity, since informal economic and social practices were built around national and religious traditions. The studied problem of the stability of rural religiosity is a part of a broader problem of preserving the Russian village as a stable ethno-social organism.

Keywords: rural religiosity, socio-professional structure of rural society, rural Muslim community, young farmer problem

For citation: Kildeev M. V. Rural Muslim religiosity in the context of the transformation of Russian society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 51–56 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-51-56>, EDN: QGESTF

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Исторически российское село – это устойчивый этносоциальный организм, духовной основой которого являются религиозные традиции. В настоящее время актуальным является изучение сохраняющихся в татарских селах российской «средней полосы» религиозных и национальных традиций, которые зачастую успешно уживаются с эффективными адаптивными стратегиями. В статье рассматривается устойчивость сельской мусульманской религиозности в условиях атеистического государства и в условиях трансформации российского общества. Цель исследования – выявить условия, которые способствовали сохранению села как цельного этносоциального организма и присутствующей ему сельской религиозности. Проблема устойчивости сельской религиозности рассматривается как часть более широкой проблемы сохранения российского села.

Различия в характере и глубине религиозности между селом и городом постоянно находились в поле зрения исследователей крестьянства. Известны этнографические обследования в РСФСР в 1920-х гг., в которых в том числе затрагивалась специфика религиозности народов Поволжья. Возникшая в те же годы аграрная социология акцентировала внимание на изменениях аграрного образа жизни и его приспособлении к новым условиям. Одни из ее основателей, П. А. Сорокин и К. Циммерман, на многочисленных исторических примерах выявили значимые отличия сельской религиозности: приверженность к привычным формам поклонения и сохранение локальных, «косных» форм религиозности, которые образуют контраст с «городской»: рационалистической, механистической и монотеистической религиозностью [1, р. 608]. В рамках советской социологии религии изложены некоторые элементы сельского типа религиозности: локальная общинность, личное влияние служителя культа, слепое доверие к догмам, ритуализм [2], религиозный синкретизм, культ святых и религиозно-этические табу [3], устойчивость к антирелигиозной политике [4].

Советское атеистическое религиоведение акцентировало внимание на иррациональном элементе сельской религиозности. Подчеркивалось отсутствие связи сельской религиозности

с реальными социальными процессами, т.е. пережиточность: «В республиках Средней Азии, Дагестане, Азербайджане, Татарии, Башкирии в сельской местности при постепенном сокращении религиозных обрядов все же сохраняются практическая культовая сторона религии, обряды, относящиеся к семейно-бытовой сфере, пережитки, связанные с заключением мусульманского брака и выплатой калыма, ритуальное обрезание, похороны и поминки, а также различные мусульманские праздники, дезорганизующие жизнь современной семьи и насаждающие религиозную идеологию. Главную роль в сохранении этих пережитков играют не столько религиозные мотивы и потребности, сколько такие социально-психологические факторы, как традиционное заимствование религиозных взглядов и обычаев, основанное на подражании, психологическое стремление поддерживать “деревенский обычай”, давление консервативного общественного мнения, выступающего в защиту религиозных традиций» [5, с. 94–95].

Подобный взгляд в некоторой мере отражает такую особенность российской сельской религиозности, как ее соединенность с традиционным национальным укладом. Важные события в жизни крестьянина (рождения, свадьбы, похороны) обязательно носят религиозный, ритуальный характер. Отсюда происходит высокий адаптивный потенциал сельского социума, который, по сравнению с городом, обладает собственными, автономными от государственного-политического аппарата регуляторами общественной и частной жизни. Данное обстоятельство становится важным преимуществом в условиях социальных трансформаций, переживаемых российскими селом на всем протяжении XX в. В настоящее время изучение сельской религиозности осложнено тем обстоятельством, что традиционная деревенская культура народов России находится под угрозой исчезновения. Этот процесс особенно ускорился в условиях формирования информационного общества, изменения типа семейных отношений, распада межпоколенных связей.

Советские социологи, рассматривая сельскую религиозность в разрезе социальной структуры общества, усматривали в ней детерминированность низким социально-про-

фессиональным и образовательным статусом верующих. Наиболее секуляризованным слоем на селе была сельская интеллигенция: учителя, медработники и работники культуры. Она же выступала основным проводником антирелигиозной политики. Из интеллигенции и служащих формировался актив, на который возлагалось проведение антирелигиозных кампаний. Данный слой сельского общества также был немногочисленным. По данным исследования этносоциологов АН СССР, которое они прово-

дили в 1967 г. в Татарской АССР, среди сельских татар 9% относились к интеллигенции и еще 4% – к служащим [6, с. 55]. Имеющиеся данные говорят о том, что количество атеистов среди коренного сельского населения Татарской и Башкирской АССР было относительно невелико (таблица). Атеист, согласно советским методикам, – это не просто нерелигиозный человек, он еще и должен уметь обосновать свое неверие. Этим он отличается от остальных неверующих.

Типология населения по отношению к религии по результатам социологических исследований в Горьковской области и в Башкирской АССР, %

Исследуемая совокупность	Атеисты	Неверующие	Индиферентные	Коллеблющиеся	Верующие
По Горьковской области (1971 г.)	12,0	43,0	14,0	10,0	7,0
В татарских селах Горьковской области (1971 г.)	7,4	26,6	13,5	13,7	38,6
Башкиры и татары, Хайбуллинский р-н БАССР (1974 г.)	7,2	54,6	23,0	8,1	7,9

Сост. по: [7, с. 74; 8, с. 135].

Подавляющее большинство татар-сельчан (70%) составляли разнорабочие и неквалифицированные работники. По сравнению с довоенным 1939 г. их доля уменьшилась всего на 10%. С 1939 по 1967 г. доля служащих сократилась на 1 пункт, а доля интеллигенции увеличилась на 4 пункта. Тем самым в сельском хозяйстве не происходило ожидаемого сближения физического и умственного труда и, следовательно, «стирания границы между городом и деревней». В условиях достаточно однородного по своей структуре сельского социума интеллигентский, т.е. «городской» образ жизни и мышления не имел значительного влияния на сельские массы.

Во многом по причине игнорирования властями культурных запросов татарского населения, особенно на территориях, где оно находилось на положении национального меньшинства, в советский период в татарском селе не сформировался заметный слой носителей материалистического сознания, полностью свободного от религиозного влияния.

В сельской местности повсеместно действовали мусульманские общины и «параллельные» (незаконные) мечети. Община выделяла помещения для проведения молитвенных собраний, собирала пожертвования на строительство культовых зданий, распорядительствовала на похоронах, в отдельных случаях поднимала перед местной властью вопросы возвращения культовых зданий. Отправлением религиозных обрядов продолжали заниматься энтузиасты –

знатоки ислама из числа рядовых верующих, хорошо разбиравшиеся в догматах ислама и обрядности, присущих преобладающим среди мусульман Среднего Поволжья течениям.

Традиционная сельская религиозность у татар представляла собой последовательный образ жизни, в котором язык, обычаи и религия взаимно дополняли друг друга. Из-за энергичной антирелигиозной политики татары оказались вне формальных религиозных институтов. В характере религиозности возобладала архаичные локальные формы. Объяснение специфики религиозности в советский период требует обращения к обозначениям «народный», «бытовой» и «неофициальный ислам». Такие «неканонические» элементы мусульманского вероисповедания, как почитание местных святых, культ предков, семейные обряды, локальные дополнения в области обрядовой практики, усилились из-за гонений на официальное духовенство. Выживание и консервация веры осуществлялись за счет сохранения традиционных религиозных ритуалов и обрядов в быту. Участием в обрядовой деятельности поддерживалось религиозное влияние среди молодежи, которая в учебных заведениях получала мощный заряд атеистического воспитания.

В таких регионах, как Пензенская, Горьковская, Ульяновская области, а также в Чувашской и Мордовской АССР социологи фиксировали повышенный уровень религиозности татарского населения. Верующие в этих регионах достаточно свободно отправляли свои рели-

гиозные обряды, независимо от юридического статуса общины. По отношению к татарам, как к этнонациональному и этноконфессиональному меньшинству этих регионов, действовал более либеральный тип государственно-конфессиональных отношений. В частности, местные власти негласно замалчивали проблему существования неофициального ислама и, как правило, не преследовали верующих за участие в религиозных обрядах. Подобная практика берет начало как минимум в конце 1940-х гг. Власть избегала активных антирелигиозных мероприятий в селениях, где отмечалась высокая религиозная активность. Уполномоченный Совета по делам религий по Мордовской АССР в 1947 г. признавал, что при высокой религиозной активности населения запрещать деятельность незарегистрированных общин было бы «политически неверно» [9, л. 22]. Неучастие верующих в инициативах по официальной регистрации общин являлось ответным условием такого «общественного договора». Конвенциональное невмешательство власти в частную жизнь верующих было значительной уступкой со стороны официальной идеологии.

В постсоветские времена тема сельской религиозной специфики получила новое наполнение. Прежде сельская религиозность считалась иррациональным по своей природе «пережитком», существующим вопреки социальным преобразованиям и достижениям советской власти. В новых условиях глубокая и массовая мусульманская религиозность оказалась одним из условий для сохранения сельских населенных пунктов от обезлюдения, каким-то образом коррелируя с приверженностью к родному краю и активными адаптационными стратегиями населения в новых экономических условиях. Тем самым религиозные села снова идут вразрез с общей тенденцией, характерной для российской «средней полосы», заключающейся в безвозвратной миграции молодежи в город, старении населения, вторичном раскрестьянивании, разрушении сельской социальной инфраструктуры, латифундизации, дачной субурбанизации и т.п.

В условиях экономической и духовной (легализация религиозных институтов и традиций) свободы такие сельские населенные пункты, как Средняя Елюзань, Алькино Самарской области, Белозерье в Республике Мордовия, Шыгырдан в Республике Чувашия, и ряд других поселений в Республике Чувашия, Нижегородской и Пензенской областях получили заметный импульс к развитию. Эти села отличаются не только высокой религиозностью жителей и интенсивное строительство мечетей,

но и устойчивое социально-демографическое и экономическое положение. Важно, что система жизнеобеспечения данных населенных пунктов сложилась автономно, без заметного участия государственных программ развития, без внешних инвестиций, в условиях несправедливых механизмов ценообразования на сельхозпродукцию.

В новейшее время появились исследования, рассматривающие на архивных и полевых материалах условия и причины глубокой религиозности населения отдельных татарских населенных пунктов, которые успешно адаптируются к меняющимся социально-экономическим реалиям. Исследователь из Казани Л. В. Сагитова на примере Средней Елюзани отмечает, что формой и способом сохранения этноконфессиональной идентичности стала своеобразная духовная автономия, наподобие той, которая существовала в мусульманской среде повсеместно до коллективизации. Однако автор не приводит удовлетворительного объяснения причин консервации традиционного образа жизни. Утверждение, что тому способствовала «советская модернизация аграрной сферы» [10, с. 107, 112], благодаря которой под формой колхоза сохранился мусульманский джамаат (сельский сход), не выдерживает критики. Нет никаких свидетельств тому, что всеми хозяйственными делами в селе управлял бы некий локальный неформальный институт. Как известно, и в Средней Елюзани, и в Белозерье развитие коллективных хозяйств упиралось в малоземелье. Они не обеспечивали заработком и половину жителей, а оставшиеся находились вне коллективного сельхозпроизводства, кем бы оно ни управлялось.

В Средней Елюзани в 1966 г. вместо колхоза был образован совхоз «Елюзанский». Хозяйство было экономически крепким, специализировалось на выращивании лука, который в высушенном виде шел на экспорт. При этом в совхозе была занята примерно четвертая часть экономически активного населения. Почти такая же доля населения, в основном женского, была обеспечена работой в открытых стараниями совхозного руководства цехах и филиалах областных предприятий, а также в бюджетных учреждениях. Оставшаяся половина жителей находила заработок «на стороне», объединяясь в сельскохозяйственные и строительные артели или занимаясь продажей продукции личного подсобного хозяйства (ЛПХ) на городских рынках [11, с. 277]. В других условиях эта категория людей была бы вынуждена в поисках заработка сменить место жительства, влившись в ряды горожан. Однако, как пишут Р. Марданов и

Н. Китаева о временах коллективизации, «у елюзанцев была сильная привязанность к давно сложившемуся образу жизни, который их вполне устраивал и обеспечивал» [11, с. 105] и который, добавим, они не смогли бы вести где-то еще за пределами своего села.

При других обстоятельствах, но схожая ситуация сложилась в Белозерье – населенном пункте в Ромодановском районе Мордовии, где, по мнению историков, колхоз «40 лет Октября», как и другие советские институты, в 1970–1980-е гг. существовал номинально [12, с. 120]. В селе никогда не было дома культуры, школу не посещала значительная часть учащихся школьного возраста. Колхоз по своим показателям был ниже среднего по району, «отстающим», что выглядит нонсенсом для колхозов в татарских селах, хотя бы по меркам соседней Пензенской области, и не оказывал существенного влияния на жизнь села. Однако в масштабах страны такое положение выглядело обычным делом. На протяжении 1950–1970-х гг. основные капиталовложения в развитие АПК приходились на целинные земли и совхозные агрокомплексы, в то время как значительная часть коллективных хозяйств РСФСР была убыточной, а уровень жизни колхозников в разы ниже, чем у горожан. Жители Белозерья только числились работающими в колхозе, большую часть года трудясь в ЛПХ или за пределами села. Основой их благосостояния стал подсолнух – высокорентабельная сельскохозяйственная культура, которую сельчане в частном порядке выращивали на приусадебных участках или скупали, перерабатывали, а затем оптом продавали на рынках поволжских городов.

Исследователи современного российского села выявили мотивы, по которым сельская молодежь не стремится его покинуть. Их можно сгруппировать на экономические мотивы (ведение личного подсобного хозяйства, наличие стабильной работы и заработной платы) и на этнопатриотические (привязанность к данной местности, продолжение семейных традиций, соблюдение традиционных деревенских устоев, поддержка ближайшего окружения) [13, с. 235]. В то время как молодежь, намеревающаяся покинуть село, в качестве причин отъезда называет экономические мотивы, но со знаком «минус» (отсутствие работы, физический характер труда и его низкую оплату), низкий уровень развития социальной инфраструктуры (проблемы с медицинской помощью, с жильем, отсутствие организаций бытового обслуживания), недостаточный уровень развития сферы культуры и отдыха и, как следствие, отсутствие жизненных перспектив [13, с. 236–239].

На примере двух рассматриваемых населенных пунктов мы можем увидеть, насколько недооценен в экономической и социологической литературе традиционный сельский образ жизни, ради которого люди проявляют готовность самостоятельно, не уезжая из села, решать проблемы трудоустройства, заработка и социальной инфраструктуры.

В советские времена внутри периферийного татарского сельского социума, наряду с высокой религиозностью населения и патриархальными устоями, существовали несоциалистические формы экономической жизни: артели, отходничество и частная торговля. Необходимые для участия в этой деятельности человеческие качества – предприимчивость, инициативность, взаимовыручка – для основной массы колхозов и совхозов тех времен были в большом дефиците. Для предприимчивых крестьян, к чьим занятиям власть относилась неодобрительно, основой идентичности стало обращение к религии.

Советские обществоведы не отрицали взаимосвязи религии с буржуазными, частнособственническими отношениями. Этот тезис хорошо иллюстрировался восточноевропейскими реалиями. Наибольшая религиозность в НРБ и в ГДР фиксировалась среди некооперированных ремесленников, частных торговцев, земледельцев-единоличников [14, с. 98]. «Мелкобуржуазные» группы населения находились «на самообеспечении», что позволяло им держаться на безопасной дистанции от государственной идеологии. В СССР, где было провозглашено построение бесклассового общества, существование обособленных социальных групп не признавалось. Однако, по мнению ряда авторов [15], в указанные времена в стране формировался предпринимательский класс, место упраздненной кооперативной промышленности в 1960-е г. заняли нелегальные «частники», после резкого увеличения капиталовложений в сельское хозяйство появились «шабашники». Таким образом, сложились условия для размывания устоявшейся социальной структуры села, основанной только на социалистических формах хозяйствования. А когда наступила эпоха социально-политической трансформации и государством был взят курс на отмену всяческой социальной поддержки и защиты сельского населения, на локальном уровне произошло безболезненное расставание с установками на государственный патернализм.

Подводя итог нашего исследования, отметим, что специфика сельской мусульманской религиозности в Среднем Поволжье в советский период выражалась в приверженности

«народным» формам религиозности, которые не воспринимались отдельно от национальных традиций; в повсеместном существовании нерегистрируемых, но устойчивых религиозных общин. Патриархальный быт и религиозные традиции в колхозной деревне сохранялись во многом по причине экстенсивного характера развития советского сельского хозяйства. Социальная среда сельской религиозности татарского населения в Среднем Поволжье складывалась из условий проживания в колхозной деревне, особенно в так называемых отстающих хозяйствах, из компактного проживания вне национальной автономии, из более однородной социально-профессиональной структуры сельского населения, инфраструктурной неубустроенности сельских поселений, из величины населенного пункта. Существовала определенная зависимость между религиозностью и распространением различных неформальных экономических практик (артельность, отходничество, рыночная торговля продукцией ЛПХ).

В условиях социально-экономической трансформации приверженность национальным традициям и религии стимулировала диверсификацию сельских трудовых практик и выбор жителями религиозных сел активных адаптационных стратегий. Условиями для сохранения традиционного жизненного уклада стали многолюдность рассматриваемых населенных пунктов и положение национального и религиозного меньшинства. Причины сохранения в советской действительности густонаселенных, богобоязненных и богатых татарских населенных пунктов до конца не изучены. Ключ к пониманию, на наш взгляд, лежит в изучении специфики религиозности, поскольку неформальные экономические и социальные практики строились вокруг национальных и религиозных традиций. Для лучшего понимания поставленной проблемы потребуются дальнейшее комплексное, неангажированное изучение реалий сельских населенных пунктов с устойчивым социально-демографическим и экономическим положением.

Список литературы

1. Sorokin P., Zimmerman C. C. Principles of rural-urban sociology. New York : H. Holt, 1929. 652 p.
2. Левада Ю. А. Социальная природа религии. М. : Наука, 1965. 261 с.
3. Кудряшов Г. Е. Динамика полисинкретической религиозности. Опыт историко-этнографического и конкретного социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания пережитков чувашей. Чебоксары : Чувашское кн. изд-во, 1974. 355 с.
4. Филимонов Э. Г. Социологические исследования процесса преодоления религии в сельской местности: итоги, проблемы, перспективы // Вопросы научного атеизма : сб. Вып. 16. М. : Мысль, 1974. С. 71–88.
5. Атеизм в СССР: становление и развитие / редкол. : А. Ф. Окулов (отв. ред.) [и др.]. М. : Мысль, 1986. 235 с.
6. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. М. : Наука, 1973. 332 с.
7. Орлов А. М. Проблемы атеистического воспитания населения, живущего в инонациональной среде (Исследования групп татар. населения в Горьк. и Пенз. обл.) : дис. ... канд. филос. наук. М., 1977. 198 с.
8. Хамитова Р. Основы дифференцированного подхода в атеистической работе // Атеисты за работой: Из опыта работы по атеист. воспитанию трудящихся в Башк. АССР : сб. / сост. О. К. Валитов. Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1975. С. 133–143.
9. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 113.
10. Сагитова Л. В. Сельская община татар-мусульман России: факторы автономизации // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12, № 2. 103–114. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2016-12-2-103-114>
11. Марданов Р. Т., Китаева Н. Б. Средняя Елюзань. Страницы истории самого крупного татарского села России. Казань : Татарское кн. изд-во, 2006. 296 с.
12. Миннуллин И. Р. Исламское возрождение в татарской деревне Мордовии в советский и постсоветский периоды // Историческая этнология. 2016. Т. 1, № 1. С. 116–139.
13. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
14. Религия и церковь в современную эпоху / ред. кол. : Л. Н. Великович, В. И. Гараджа [и др.]. М. : Мысль, 1976. 328 с.
15. Ефимов И. Без буржуев. Frankfurt/Main : Possev-Verlag, 1979. 350 с.

Поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 02.12.2022
The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 27.11.2022; accepted for publication 02.12.2022